

Абрамович С. Д.,
доктор філологічних наук, професор,
академик Академії наук вищої школи України,
заведуючий кафедрою славянської філології і загального мовознавства
Кам'янець-Подільського національного університету
імені Івана Огієнка

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАРРАТИВНОЙ ПРОЗЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматривается культурологический контекст становления русской художественной прозы Нового времени, которая репрезентирует процесс раскрепощения сознания Московии-России. Особое внимание уделено культуртрегерской роли украинской интеллигенции.

Ключевые слова: культурологический метод, нарративная проза, риторика и поэтика, дидактичность, западничество, национальный образ мира, культуртрегерство.

Постановка проблемы. Prosa (лат.) – свободная речь, не связанная стиховым ритмом. В античности лишь стихи, порожденные фантазией, считались «языком богов», а прозой пользовались занятые утилитарными интересами честолюбивые ораторы. С утверждением христианства, основанного на прозаическом тексте Писания, стала доминировать дидактическая проза, в которой личностное «я» смиряется во имя обретения большей свободы в Боге. Последующая борьба классицистов за реставрацию античного представления о художественном слове привела к противопоставлению стиховой поэзии научно-публицистической литературе, но в эпоху Просвещения сама художественная литература начинает грандиозную переориентацию на романно-прозаические формы, призванные окончательно раскрепостить «я» автора.

Цель статьи. Важно установить, как конкретно выражается связь между укрепляющейся установкой русского писателя на свободное самовыражение и упрочением романно-прозаических форм. Для этого необходимо показать связь между древнерусской традицией «учительной прозы» и сверхзадачами новой эпической наррации, а также уяснить, что эта линия во многом определена еще и былым украинским влиянием.

Анализ предшествующих публикаций. Уже XVII век – эпоха перехода к индивидуальному началу в литературе [1]. Любопытно, что параллельно совершенствуется деловая письменность [2], что отражает рост интеллектуальной дисциплины пишущего. Последующие века демонстрируют, что «в России каждый писатель был воистину и резко индивидуален» [3, с. 66], но при этом упрочение субъективно-индивидуального начала, обозначившееся в XVIII в. как формирование литературной личности автора [4, с. 1], ведет к разладу авторского «я» с действительностью (романтизм), а позже – к достаточно отчетливой дифференциации писателей-реалистов на стремящихся сохранить исконные ценности русского слова (Толстой, Достоевский, Лесков, отчасти – Мережковский), и писателей, развивающих секуляризационную программу Просвещения. После балансирования между традицией и безднами субъективного в декадансе и символизме русская литература переходит к псевдоклассическому соцреализму, и, при ритуальных

приседаниях перед творческой субъективностью, беспощадно борется с ней на деле. Все это – симптомы нарастания всеобъемлющего чувства абсурдности, к которому приходит Модерн. В итоге деконструктивный «левый» уклон – самовыражение атомизированного сознания – фактически объединяет авангард, соцреализм и концептуализм [5]. А в русском постмодернизме уже доминируют «взрывные апории» – неразрешимые конфликты [6].

Однако если эта панорама, пусть и с разной степенью полноты, в наших исследованиях просматривается, то культуртрегерская роль украинского литератора недостаточно акцентирована. Тут нужен культурологический подход, позволяющий ощутить литературу народа не как нечто имманентное, но как часть культуры в самом широком смысле слова. Важнейшую роль культурологического подхода в изучении курса литературы обосновывает В.А. Доманский, который строит свое методологическое обоснование на трудах С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова и мн. др. [8]. Вопрос же об украинском влиянии в пору, когда «Москва жила чужим добром», муссировался еще в царской России [9; 10; 11]; см. также и серьезные исследования советского периода [12 и др.], не говоря уже о широком освещении этого вопроса в Украине начала XX века [13; 14], в эмигрантской мысли [15, 16], в независимой зарубежной науке [17 и др.] и в нашем нынешнем литературоведении [18 и др.]. Но эта ситуация рассматривалась не глобально, а спорадически.

Выделение нерешенных моментов проблемы. Глубокое отличие культуры Нового времени от эпохи архаики с ее коллективистским мироощущением здесь усложняется. Принято возводить культуру народа к его фольклору. Но на киевской почве литература складывается не на языческой, фольклорно-стиховой основе с ее поэтико-мифологической составной, а на Библии, которая есть уже не столько мифология, сколько протофилософия [19]. И поэтому древнекиевская литература являет собою в основной массе своей учительную прозаическую словесность. Часто она, как и фольклор, безлико-анонимна, но если автор фольклора затерян в толще бесписьменного времени, то в средневековой литературе мы имеем дело с сознательным смиренным отказом от собственного «я».

Изложение основного материала. Естественно, в такой текст просачиваются и некоторые языческие представления. Одним из стойких предубеждений на уровне коллективного бессознательного тут выступает архетипическое представление о Западе как месте нечистом, где умирает солнце. Там кончается мир *славян* (ст.-слав. – *словѣнск*). В украинском языке сохранилось древнее *слов'яни*. Форма с -а- возникает лишь в позднем

Средневековье, и позднее русское *славяне* становится основанием для народной этимологии: *народ славный*. Это мнение переключивается даже в науку (например, попытка возвести ситуацию к индоевропейскому корню *klec- «молва, известность»), чьи слова «людям понятны», а кто обитает вне *славянского* мира, – *немцы*, «немые», пусть и говорящие на своем непонятном языке (германцы, венгры и прочие таинственные существа). Представление это со временем распространилось и на западных славян, крестившихся по латинскому обряду: в «Повести временных лет» в людей кидает колдовской цветок *лепок* черт, прикинувшийся *поляком*. Это как-то сочеталось с тем, что князья у восточных славян были норманнами, и даже суд в Киевском государстве был разный: для варягов (*русичи*) и для славян. Именно отделившиеся от западноевропейской почвы «киевские» конунги, начиная с Аскольда, христианизировали новое славяно-варяжское сообщество по византийскому канону и дали этому геополитическому образованию имя *русь*. Крещение же скандинавов Запада в 1-й пол. XI в. на латинский лад совпало с расколом Церкви на Западную и Восточную.

Но и восточно-православный славянский мир не был однороден. Люди, обитавшие на территории Киевской Руси, в пору монгольского нашествия влились в Великое княжество Литовское, населенное язычниками. Здесь они играли роль носителей культуры (православной) – вплоть до тотального окатоличивания литовцев при Ягайле. С тех пор фактически начинается формирование украинства как такового – в рамках нового государственного образования, польско-литовской и католической Речи Посполитой. Параллельно возникает и слово *Україна* как обозначение *края* – т. е. *локуса* (ср. польское *kraj* или письменную фиксацию в староукраинских документах таких понятий, как *Єгипетська Україна*). Украинство пытается отстоять свою культуру в польско-литовской державе – вплоть до принятия здешней православной церковью унии с Римом. Да и здешнее православие не чуждалось заимствований из западной культуры: на этом строилась церковная реформа святителя Петра Могилы. И в этом была динамика развития, понимание необходимости диалога. Правобережное украинство формировалось в атмосфере западного *плюрализма*, постепенно дрейфуя от конфронтации к толерантности – вспомним украинскую полемическую литературу этого периода. Эта позиция постепенно была усвоена и украинством в целом.

Отщепление же Северо-Восточной Руси от Киевской державы и ее позднее вхождение в состав монгольского супергосударства привели к усилению антизападных тенденций. Уже Александр Невский, великий князь Киевский, ставший с 1252 г. великим князем Владимирским, с легким сердцем вступает в союз с татарами в своей борьбе против христианского Запада. Позднее в новообразованной Московии крепнут азиатские цивилизационные принципы, и провозглашенная христианством ценность отдельной личности постепенно приносится в жертву идее государства и власти. Зато здесь формируются неоязыческие основы грядущей секулярной религии, строящейся на культе Матери-Родины и Ее Властителя. С вознесением же опирающейся на Орду Москвы, потенциально «империалистической», все присоединенные территории становились, естественно, «окраинами». Отсюда неверное мнение, будто *Україна* изначально означало *окраина* – так нашу территорию стали называть в документах российских царей после вхождения Украины в состав Московского государства (характерно, что в варианте *Україна* само ударение подчеркивает, что речь

идет о стране, *крае*. А российское *Україна* означает *землю, находящуюся у края*, кордона), которое с этих пор «перетягивает на себя» наименование *Россия*. И здесь относились подозрительно, в первую очередь, именно к культуротворчеству украинцев. Характерно сожжение на Москве при патриархе Иоакиме украинских книг как «зараженных латинством»

Но западничество не собиралось сдаваться. Раскол в церкви при Никоне был вызван не в последнюю очередь стремлением власти, церковной и светской, реформировать церковноустройство именно по греческим и украинским книгам, представляющим более компетентными и современными. И с конца XV века в культуре Московии наблюдаются серьезные сдвиги – можно сказать, что меняется сам тип культуры, она становится более открытой окружающему миру; сказочно-мифологические представления типа «в Индии живут люди с песьими головами» уступают место позитивным знаниям. Явственной сигнификацией ситуации стало «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (увидело свет в 1475 г., в Софийской летописи). В частности, в российском обществе нарастает любопытство к «отреченному» Западу, а «украинский вопрос», особенно после присоединения Украины к Московии, становится особенно напряженным. Это усугублялось обстоятельством, что с момента окончательного краха Византии в 1453 году Москва претендует на роль Третьего Рима и весьма болезненно воспринимает любые изменения в геополитической структуре постренессансного общества. Русское (и украинское, к слову) западничество коренится не в эпохе правления Петра I, а в драматических процессах, развернувшихся на восточнославянских землях после падения Константинополя.

Литература Московии в ту пору, когда на Западе всюду разворачивался Ренессанс, находилась в сиротском состоянии. Византийское акцѣ было к тому времени давно позади: уже к XV веку греческий край и вся империя находились в упадке, а после падения Константинополя греческие мудрецы и вовсе искали приюта в чужих краях. Тут не так уж и боялись западного влияния: оно воспринималось как приемлемая альтернатива. Характернейшей фигурой литературного процесса Московии является св. Максим Грек (1480–1556), воистину человек Ренессанса, который, прежде чем приехать в Московию исправлять церковные книги, успел пожить католиком в Италии, побывать монахом доминиканского монастыря св. Марка, членом венецианского кружка книгоиздателя Альдо Мануччи и даже стать почитателем Савонаролы. Но европейский вектор ощущается вовсе не только в просветительской деятельности Максима. Прилежный осифлянин митр. Даниил громит за приверженность западной моде и западной «развязности» явно немалый круг своих прихожан: «*Великий подвиг твориши, угождая блудницам: ризы изменявши, хождение уставявши, сапоги велми червлены и малы зело, яко же и ногам твоим велику нужу терпяти от тесноты съзнетения их, сице блистаеши, сице скачеша, сице рыгавши и рзаеши, уподобляя жеребцу... Власы же твоа не точию бритвою и с плотию отъемлеша, но и щипцами скорене исторзати и щипати не стыдишися, женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяеши*» (12-е «слово-наказание»). Так что польское нашествие 1612 г. вызвало не одно лишь чувство отторжения. В культуре чужаков, почти понятно говоривших, было нечто завораживающее. Благодаря правлению нескольких Лже-Дмитриев в Московии успел привиться вкус к польскому языку и, отчасти, к западным нравам и обычаям. Уже при Алексее Михайловиче,

заведем в дополнение к московской резиденции «дачи» совершенно западного типа в Измайловом и Коломенском, в русском обществе обнаруживается вкус к такому образу жизни и культуре. При Федоре Иоанновиче не только процветают украинское слово, архитектура и хоровая полифония, но и мода на украинскую одежду и даже еду. В кругу царевны Софьи западное влияние заходит еще далее: ее фаворит Василий Голицын одевается по польской моде и широко прибегает к польскому языку. Выпускники Киево-Могилянского коллегиума сделали на Москве культуртрегерами. Было и прямое влияние западных культурных форм. Симон Ушаков создает образцы живописи «фряжского» типа; в частных домах Москвы заводят небольшие органы для светского музицирования.

В частности, именно они ввели жанр *проповеди*. Таковая в Московии изначально игнорировалась, ибо подозревалась в непозволительном вольномыслии. Эта проповедь «украинского типа», адсорбировавшая опыт западной гомилетики эпохи Реформации и Контрреформации, сопрягает традицию высокого жанра теологического трактата и традицию жития, которое Ю. Лотман обозначил как «массовую литературу Средневековья». В этом качестве она может рассматриваться как один из важнейших источников формирования позднейшей русской прозы с ее непринужденным, раскованным стилем и искрящейся светской эрудицией. Достаточно процитировать фрагмент из риторического наследия Ф. Прокоповича, неотличимый по стилю от проповеди: «*Какая и коликая флота морского нужна? <...> Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полуночная моря обдержажай, не иметь бы кораблей <...> было бы бесчестно и укорительно. Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворских фабулах некий Тантал стоит в воде, да жаждет*» («Слово похвальное о флоте российском»).

Впрочем, возникает и парадокс: одновременно с насаждением зародышей свободной прозы украинские книжники стали основоположниками отсутствующих доселе в Московии стиховой литературы и театра. Вспомним литературные реформы выпускника Киевской могилянской коллегии Симеона Полоцкого, введшего на Москве стихотворство и драматургию (правда, царь и бояре после спектакля – на библейский сюжет! – в опасении, что осквернились, побежали в баню).

Итак, после падения Византии на массиве московской средневековой словесности начинает произрастать вольное художественное слово. Это типичная ренессансная ситуация. Но здесь Ренессанс, в отличие от Украины, так и не складывается; корни его были подорваны еще Иваном Грозным. При этом сам Иван IV был ярчайшей ренессансной личностью; беда в том, что право на свободную реализацию собственного «Я» он оставил исключительно лично за собой, тиранически и безапелляционно подмяв под себя и боярство, и простолюдинов.

На Западе Ренессанс развернулся во всю мощь, и опорой ему стала античная идеология человекоцентричности. Теперь направленность западного культуротворчества – формирование Человека Модерна, исполненного титанического стремления преобразовать мир. При этом западный Ренессанс не снижает духовного полета сравнительно со Средневековьем (одновременно с озорным «низовым» Декамероном пишет выпренинные трактаты Пиккоделла Мирандола, пытающийся синтезировать основы христианства и греко-римскую, языческую античность;

Лоренцо Валла выдвигает идею человека, который уже как бы сам себя творит, и пр.).

А российский Ренессанс не состоялся еще и оттого, что не имел корней в античной традиции. Д.С. Лихачев считал, что функцию Ренессанса здесь выполнило барокко [21, с. 43]. Да, едва ли не самое живое явление в предпетровской литературе – барочное житие Аввакума, против барокко в живописи, впрочем, ратоборствующего («*Пишут Христа яко немчина...*»). Но при этом был бы крайне поверхностен взгляд на Аввакума как на выразителя только собственного «Я». Специфика мироощущения барокко – *двоемирие* (идея, использованная символизмом на рубеже XIX – XX вв.). Убогость и низменность земного пути авторы контрастируют с разрезающимися перед их духовным взором небесами и с ангелами, приносящими, по необходимости, «вкусных щец». Духовная дочь Аввакума, боярыня Морозова, в ответ на убеждения согласиться с никонианами ради благополучия своего юного сына, отвечает, что она живет не для сына, а для Христа [22, с. 23]. И жизнь Аввакума – это путь ко Христу, как сам автор это понимал. Его позиция в чем-то совпадает с устремлениями западной Реформации, хоть это часто и отрицалось – Аввакум, мол, не к обновлению христианства стремился, а, напротив, к консервации его. Однако не забудем, что Западная Реформация – неотъемлемая часть Ренессанса, а последний устремлял взор не только в утопические пространства будущего, но и в ретроспективу, иные хотели вернуться не в языческую античность, а к «исконному христианству». Исповедь Аввакума типологически восходит не столько к византийской агиографии, сколько к традиции августиновой «Исповеди», но, в отличие протестантов Запада, Аввакум началом всех начал полагает русское христианство; не закапываться же в иудейские древности... Но по пути неистового протопопа русская проза не пошла.

Средневековая словесность была фактически истолкованием Библии, чем-то вроде индуистской *веданты*, а проторенессансной «низовой» и развлекательной литературе, вырастающей из злободневности и фольклора, свойственны новеллистичность и дух карнавала. И если средневековая церковная проза Московии опиралась на нравственные начала библейско-церковной риторики, то какие духовно-культурные основания имели авторы «народных» произведений вроде повести, выразившей искреннее восхищение рядового москвиты мошеником Фролом Скобеевым?

Впрочем, церковно-учительная проза еще долго доминировала. И без украинского влияния тут не обходилось. Как отметил митрополит Илларион (Огиенко), ситуация длилась до начала XIX в.: «Москва видела культуру украинцев, охотно принимала их к себе и хорошо платила. И в «дальнюю Московию», в «московские страны» перебралось много людей, которые добились там славы для себя и своей Украины. Земляки эти наши понесли культуру свою на далекий север, пробудили его от вековечной дремы, заложили там крепкий фундамент новой культуры» [23, с. 117]. После 1654 г. начался особенно интенсивный переход украинской интеллигенции в Россию. Самые выдающиеся литераторы эпохи – Епифаний Славинецкий, св. Димитрий Ростовский (Туптало), Стефан Яворский и Феофан Прокопович – были приглашены в Россию, где способствовали церковным реформам патриарха Никона. Победили «западники», и украинское влияние в культуре держалось вплоть до «измены Мазепы». Но параллельно при Петре I церковная культура исподволь вытесняется секуляризованной, светской

культуры (впрочем, в результате этих реформ катастрофически – до 25%! – упадет и грамотность народа, так что новый Ломоносов станет положительно невозможен).

Выходит из моды речитатив, на котором строилось публичное слово времен Симеона Полоцкого. Идеалом эпохи становится человек, умеющий сказать и комплимент даме, и панегирик покровителю, и о политике порассуждать, и с друзьями «погутарить». На основе светской речи формируется литература западного типа, в которой с одно направление сменяет другое, а стихотворство быстро поступает на место романной прозы. Все это внутренне обострило и проблему национального начала, так что, скажем, Гоголь входит в русскую литературу как странноватый «малоросс».

Самосознание русского общества в эту пору выражается преимущественно в литературе. Широко известные слова Герцена «У народа, лишённого общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [24, с. 198] можно свободно отнести не только к его эпохе. Вопрос об утверждении статуса прозы как свободного выражения писательского «я» (вспомним пушкинское «*проза требует мыслей и мыслей*») осложняется непростотой перехода от средневековой дидактико-риторической традиции к субъективно-художественной нарративности, возникновением и борьбой литературно-художественных программ, взлетами и падением общественного интереса к стиховой культуре и к театру.

Облик русской прозы теперь меняется, как в калейдоскопе. Линия автора переводной «Езды в остров любви» сменяется линией авантюрной прозы Эмина, развивающей традицию плутовского романа, рукописных «гишторий» петровского времени и пр.). Проторомантический (сентименталистский) тип повествования с его погружением во внутренний мир человека начинает тесниться «гражданственной» прозой Радищева и ее продолжением в романтической прозе декабристов. Роман, который, по Белинскому, «все убил, все поглотил», становится ведущим жанром литературы. И, не в последнюю очередь, – благодаря выходцу из Украины, истоки мироощущения которого – «малороссийский» фольклор и старинная барочная проповедь; именно с ним, а не с Пушкиным, по мнению того же Белинского, связано утверждение «реальной поэзии» (Чернышевский назовет это явление «гоголевским периодом»). Постепенно складывается прозаическая драматургия, далеко ушедшая от истолкования традиционных библейских сюжетов в предпетровскую эпоху и обратившаяся к непосредственному переживанию жизни. Даже некрасовские лиро-эпические стихотворения уже ориентированы на романную прозу с ее житейской основой, на монологи и диалоги социально осязаемых персонажей.

Библейские ценности служат просто для украшения стиля. Оказалась бесперспективной попытка Пушкина окружить главу Поэта сиянием Пророка; эту идею попытаются подхватить в русском декадентстве, но без особого успеха. Вообще же, мало кто из русских писателей был чуток к западному влиянию так, как Пушкин – «мировое эхо». И мало кого так безнадежно «теряет» западный читатель в поэтических переводах, которые, как не раз отмечалось, выглядят на чужом языке набором бесцветных трафаретов. Оно и не удивительно: бурно переживая формально-стилистические инициативы чужих литературных систем, Пушкин относился к духовному наполнению творчества подчас с почти постмодернистским спокойствием – вспомним: «Куда ж нам плыть?».

Но зато мировую славу русскому слову приносит та исповедническая по писательским сверхзадачам романистика, которая продолжает строиться на восходящих к киевской традиции принципах «духовного учительства» и на сохранении Библии как интертекста. Попытки инициаторов «соцреализма» перевести стрелки с нравственно-метафизической аксиологии христианства на распоряжения коммунистической партийной верхушки привели лишь к бесславному воспроизведению старинных стереотипов («перелицовка» Нового Завета в «Матери» Горького и т. п.).

Но в целом «процесс пошел». На Западе обмирщение литературы началось с запрета литератору обращаться к Библии (Буало); далее развернулся проект Просвещения, переживший высокие порывы своих отцов-основателей и породивший в итоге нашу сегодняшнюю массовую культуру, в которой персонаж вроде Фрола Скобеева уже вызывает всеобщее восхищение. Но если на Западе вольномыслие породило не только массовые шоу, а и настоящие эпопеи субъективного духовного самоопределения (Кафка, Джойс, Пруст, Р. Мартен дю Гар и др.), то в СССР и сегодняшней России мы наблюдаем триумф низовой, карнавальной культуры, в которой слово подчинено зрелищу и развлечению. Увы, что скажут сегодняшнему читателю «Жизнь Клима Самгина» или «Хождение по мукам»? Кто сегодня помнит все эти «Вечные зовы», «Судьбы», «Нетерпение», «Блокады» и т. п. – вплоть до воистину с шумом погибшей «Малой земли»? Не хватало, правда, высокой духовности, и вот – стали формироваться феномены вроде «производственного романа»; сегодня эта установка находит свое продолжение в доктрине о «духовных скрепах» и в занудной, хотя и громогласной публицистике. Если бы не регулярные телевизионные вечера смеха, просвещенческая установка на «раскованное» живое слово здесь совершенно заглохла бы...

Выводы. Итак, итоги секуляризации малоутешительны. На место подвижника, растящего в себе Слово Правды, пришли раскованные сыновья века сего: Политик, Поэт, Юрист или Актер (часто – в одном лице), лишённые аристократизма и воплощающие ключевую фигуру карнавальной культуры – Скомороха. Наблюдается безмерное торжество фролов скобеевых и разгул шемякина суда; понятие гений уже не обязательно отделяется от злодейства; народ жаждет знать исключительно, что едят, с кем спят и во что наряжаются идола толпы.

Украинские насадители традиции духовно емкой прозы этих результатов вовсе не предвидели, как не предвидел Гоголь торжества обличаемых им мертвых душ. Это – специфический, русский извод идей Просвещения, плод грубо-насильственной секуляризации. Симптоматично, что после карамзинской реформы слово прелесть, обозначавшее в церковном языке сатанинский соблазн, стало означать нечто необыкновенно приятное...

Литература:

1. Горшков Л.И. Сборник статей, расширяющих и углубляющих сведения по ряду актуальных и дискуссионных вопросов истории и теории русского литературного языка / Л.И. Горшков. – М. : Изд-во Литературного института, 2007. – 192 с.
2. Отелова Г.Е. Особенности форм деловой документации на примере законодательных актов Российской империи XVIII–XIX веков / Г.Е. Отелова // SWORLD. Научные труды. – Т. 13. – Вып. 3(40). – С. 4–9.
3. Максим Горький. Разрушение личности / А.М. Пешков (Горький). – Собр. соч. в 30 томах. – Т. 24. – М. : ГИХЛ, 1953. – С. 26–79.

4. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века / О.Б. Лебедева. – М. : Высш. шк. : Изд. центр «Академия», 2000. – 416 с.
5. Гройс Б. Утопия и обмен / Б. Гройс. – М. : Знак, 1993. – 374 с.
6. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов / М.Н. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 840 с.
7. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) / В.Н. Захаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : // <http://www.portal.slovo.ru/rus/philology/258/560/9837/>.
8. Доманский В.А. Культурологические основы изучения литературы в школе / В.А. Доманский : дисс. ... д-ра педагог. наук. – Томск : Томский госун-т, 2000. – 403 с.
9. Архангельский А.С. Образование и литература в Московском государстве кон. XV-XVII вв. : Из лекций по истории русской литературы: Вып. 1-3 / А.С. Архангельский. – Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898-1901. – 500 с.
10. Левшин А.И. Письма из Малороссии, писанные Алексеем Левшиным / А.И. Левшин. – Харьков : Унив. тип., 1816. – 206 с.
11. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. – Т.1 / К.В. Харлампович. – Казань : Издание Книжного магазина М.А. Голубева, 1914. – 977 с.
12. Вомперский В.П. Риторика в России XVII-XVIII вв. / В.П. Вомперский. – М. : Наука, 1988. – 180 с.
13. Сиповський В. Україна в російському письменстві 1801-1850 років. – Ч.1: (1801-1850 рр.) / Авт. тому Василь Сиповський. – К. : Вид-во АН УРСР, 1928. – 458 с.
14. Огієнко І. Українська культура. Коротка історія культурного життя українського народу / І. Огієнко. – К. : Абрис, 1991. – 273 с.
15. Глобенко М. Україна в художніх творах, писаних російською мовою / М. Глобенко // Енциклопедія українознавства. – Т. 1. – Ч. 1. – Мюнхен – Нью Йорк : Молоде Життя, 1949. – С. 796-799.
16. Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин / П. Голубенко. – Нью-Йорк – Париж – Торонто : Українське слово, 1987. – 447 с.
17. Grabowicz G. The poet as mythmaker. A study of symbolic meaning in TarasSevcenko / G. Grabowicz. – Cambridge : Harvard Ukrainian Research Institute, 1982. – 186 p.
18. Мокрий В. Україна та українці в російській літературі і культурі від середини XVII до початку XX сторіччя / В. Мокрий // Схід. – 1996. – № 7. – С. 46-50.
19. Чікарькова М.Ю. Біблійний антропоцентризм та його роль у становленні європейської культури / М.Ю. Чікарькова. – К. : Видавничий дім Д. Бураго, 2010. – 312 с.
20. Огієнко І. Указанная работа.
21. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Л. : Наука, 1967. – 372 с.
22. Повесть о боярыне Морозовой. – М. : Худож. лит. 1991. – 160 с.
23. Огієнко І. Указанная работа.
24. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России / А.И. Герцен // Собр. соч.: В 30 т. – М. : Наука, 1956. – Т. 7. – С. 133-258.

Абрамович С. Д. Культурологічні аспекти формування російської наративної прози Нового часу

Анотація. У статті розглядається культурологічний контекст становлення російської художньої прози Нового часу, яка репрезентує процес розкріпачення свідомості Московії-Росії. Особливу увагу приділено культуртрегерській ролі української інтелігенції, яка трансплантує на російський Схід проповідь як вільне тлумачення Біблії, стихію барокової дидактико-риторичної оповіді, нове почуття історизму й національного коріння тощо.

Ключові слова: культурологічний метод, наративна проза, риторика і поетика, дидактичність, західництво, національний образ світу, культуртрегерство.

Abramovich S. Culturological aspects of formation the Russian narrative prose of Modernity

Summary. The article discusses the cultural context of formation of Russian prose of Modernity, which represents the process of emancipating of the consciousness of Moscovia-Russia. Particular attention is paid to the role of the Ukrainian intelligentsia as bearers of Culture who transplanted to the Russian East the Sermon as a free interpretation of Bible, the spontaneity of baroque rhetorical-didactic narrative, the deepened and modernized religious interpretation of History and national roots and so forth.

Key words: culturalological method, narrative prose, rhetoric and poetics, didacticism, Westernism, national image of the world, bearers of culture.